

Велл Матрикс

Атирион: Дневник

УДК 82-312.9
ББК 84-445
М33

Матрикс В.

М33 Атирион: Дневник / Велл Матрикс. – М.: Литнет, 2026. – 698 с.

ISBN 978-5-521-99421-2

Обычная прогулка по лесу обернулась для Анны кошмаром. Она не только оказалась в другом мире, но и стала пленницей существа, ненавидящего весь людской род.

Против нее – его сила и магия, которым она ничего не может противопоставить. Но не такой Анна человек, чтобы опустить руки и сдаться на милость судьбе! Она сделает все, чтобы вернуться домой. Даже если придется спасти своего пленителя...

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99421-2

© Литнет, 2026
© Матрикс В., 2026

Пролог

Дым от многочисленных костров висел над долиной; дым, пока наполненный лишь запахами трав и сухого дерева, изобилующих в округе. Узкая долина меж двух высоких хребтов – и все же недостаточно высоких, чтобы скрыть предательский дым. Ненадежное прибежище остатков человеческой армии, последний лагерь потерпевших поражение. Им некуда отступать, и надежды выжить нет тоже.

Люди и не пытались скрыться. Они знали, что прятаться бессмысленно. Объятые яростью, победившие в этой войне найдут их рано или поздно, невзирая ни на что. Но это больше не имело значения. Теперь, когда проиграна война, долгая и беспощадная, ничто уже не имело значения. Люди не сумели отстоять свое право на жизнь, и отныне Атирион принадлежал исконным своим обитателям. Как того и хотели атирии.

Седнир с горечью смотрел на свое войско. Люди, расставив походные шатры, жгли костры и готовили еду, словно ничего не случилось. Словно битва еще не проиграна, и им предстоит прожить всего лишь очередной день войны. Словно впереди еще не одно сражение. Быть может, так они и думали. Быть может, эти несколько сотен уцелевших из многотысячной армии людей действительно надеялись, что все еще можно изменить. Но Седнир знал – это невозможно. Все кончено. Уже ничего нельзя сделать.

Почти ничего.

Усмешка, больше похожая на гримасу боли, исказила его лицо. Мужественное, некрасивое лицо сильного человека, который повел человеческую армию на войну. И который привел ее к поражению.

А ведь он до самого конца верил, что они победят. И в тот восхитительный миг, когда его воины захватили самого Правителя атириев и его супругу, он счел, что победа уже одержана. Вот только

он не ожидал, что атирии, потеряв своего Правителя, впадут в неконтролируемую ярость. Они взбесились, забыли об осторожности и перешли в наступление, не жалея ни сил, ни жизней. Их ярость переломила ход войны.

Седнир совершил ошибку тогда. Ему следовало оставить Правителя атириям, и диктовать им свои условия, удерживая в заложниках прекрасную Ниален, ради которой Правитель пошел бы на все. Но в тот момент ему показалось более разумным обезглавить вражеское войско. И за эту ошибку он заплатил дорогой ценой. Она стала началом конца для людей.

Теперь Седнир чувствовал свою вину за поражение людей в этой войне. Обезумевшие атирии заставили дрогнуть непобедимую человеческую армию. Под их натиском люди отступили, и продолжили отступать, теряя все больше воинов, сдавая противнику недавно захваченные города, чтобы закончить свое бегство здесь, запертыми в узкой долине, откуда нет выхода. Последний рубеж, сданный еще до того, как пришли враги. Потому что победить в последней битве у людей нет ни единого шанса. Слишком мало их осталось, и они не в силах себя защитить.

Потому и смотрел с горечью на свое войско Седнир. Люди устали, многие ранены, ослабли от недоедания, пали духом от вынужденного отступления. Они не окажут достойного сопротивления, когда придут атирии. А эти твари непременно придут, чтобы закончить начатое, чтобы уничтожить последних людей Атириона. Безумцы, возомнившие, будто Атирион может обойтись без людей! И, увы, шанс проверить это скоро у них появится.

В бессильном гневе Седнир сжал кулаки и, посмотрев в небо, скрытое за облаками дыма, прошептал:

– Давайте! Приходите! Когда бы вы ни появились, для вас будет поздно! – и повернулся к своему адъютанту: – Все готово?

Адъютант – совсем еще мальчишка, талантливый, способный, подающий большие надежды и обреченный – немедленно откликнулся на зов:

– Так точно, господин кайвел! – симпатичное лицо его исполнено преданности и восторга. – Все ждут лишь вашего приказа!

С легкой завистью Седнир подумал, что война не лишила Гоари юношеских иллюзий. И, не отвернись от людей удача, юный адъютант далеко бы пошел вверх по карьерной лестнице. Храбрый юноша, чья жизнь оборвется столь рано. Проклятые атирии...

– Начинаем, – коротко велел он и следом за Гоари отправился к своему шатру.

Здесь уже собралась толпа. Отчаявшиеся, загнанные в угол люди жаждали зрелища. Седнир давно обещал им его, и откладывать дальше смысла нет. Ведь это единственное, что осталось людям – месть. Последнее, чем они могут подсластить горький вкус поражения: казнь Правителя и его супруги. И Седнир намеревался сделать казнь зрелищной. Пусть атирии уничтожат всех людей, но долго еще в Атирионе будут вспоминать имя последнего человеческого кайвела.

Все и впрямь оказалось готово. На небольшом пятачке земли практически у входа в шатер кайвела умелые руки палачей разложили два костра. Посереде каждого возвышался грубо обтесанный столб. Перевитые цепями, прикованные к этим столбам лицом друг к другу стояли атирии. Мужчина и женщина. Правитель и его возлюбленная супруга. Слишком слабые, чтобы вырваться на свободу, окутанные магией и путами, изможденные и обреченные на смерть, они смотрели только друг на друга. С неизбывной нежностью и любовью, гордо выпрямившиеся, готовые принять свою судьбу.

Глядя на них, Седнир со злорадством подумал, что эти двое атириев все же надеются. Надеются, что за ними придут, что их успеют спасти! Наивные... Седнир не позволит им выжить. Они ответят за всех людей, погибших в этой войне.

– У тебя есть право на последнее слово, Рециан, – со злой насмешкой обратился к атирию кайвел.

Тот промолчал в ответ. Гордый атирий не пожелал потратить свои последние слова на человека – время слов давно прошло. И пони-

мание этого взъярило Седнира. И без того некрасивое, лицо его искажилось в гневной гримасе, когда кайвел коротко велел:

– Поджечь!

Яркий и безобидный огонек спрыгнул с факела на сухой хвост, пробежался по тонким веткам, набирая силу, коснулся тяжелых поленьев, на мгновение отступил, а затем жадно вгрызся в самое сердце костра, поглощая с одинаковой прожорливостью дерево, ткань и плоть.

Седнир не ждал криков. Правитель атириев достаточно долго пробыл в его плену, чтобы кайвел выяснил – никакая боль не способна исторгнуть из горла атирия хотя бы стон. Ниален – прекрасная и чуждая – не уступала по силе духа своему супругу. Огонь пожирал их тела, а они молча смотрели друг другу в глаза.

И Седниру нисколько не было их жаль.

В тишине, воцарившейся вокруг, слышались лишь гул огня и треск дерева. К дыму, плывущему над долиной, примешался запах горелой плоти, и краем глаза кайвел заметил, как мутит от этого запаха часть его людей. Но только не его самого.

Атирии заслужили такую смерть. Все они. За то, что сотворили с людьми.

И, будь его воля, такие костры запылали бы по всему Атириону. Ради этого отправился он на войну. Такой была бы награда за победу.

Но, даже потерпев поражение, Седнир мог гордиться собой. Пусть ему суждено погибнуть, но все же он прихватит с собой главных своих врагов. И сожалел он лишь об одном: что костров всего два. Отродье атириев, их наследник, остался жив. Этого Седнир изменить уже не мог. Но ему хватит и того, что есть. Он выполнил свой долг до конца.

Костры прогорели, не оставив после себя даже обугленных остовов – огонь без остатка поглотил тех, кто при жизни были вершителями судеб атириев. И Седнир все еще любовался кострищем, когда раздался предупредительный крик часового.

– Поздно, – усмехнулся себе под нос Седнир и крикнул: – Вы опоздали!

Он злорадно рассмеялся, и продолжал смеяться, даже когда его скрутили два крепких атирия, первыми прорвавшихся к его шатру. Он смеялся, когда из рядов окруживших его нелюдей вышел красивый юный мальчик, замерший у прогоревших кострищ. Смеялся, глядя на горе, омрачившее лицо мальчишки. Смеялся, слыша его полный отчаяния крик.

А затем мальчик посмотрел на пленника.

И Седнир внезапно замолчал. Злой смех застрял у него в горле. Потому что мальчик не плакал. Нет. Его совсем еще детское лицо исказили боль, ярость и ненависть.

– Что нам делать с ними, кайвел? – почтительно обратился к юному атирию один из пленивших Седнира.

Человек подумал: да, теперь, после смерти Рециана, Правителя и кайвела атириев, все его титулы и вся его власть перешли к этому мальчику. Сын Рециана взмахнул клинком, и Седнир почувствовал резкую боль в груди. Он вдруг осознал, что умирает, и последнее, что услышал кайвел людей – это голос ненавистного мальчишки, ответившего своим воинам:

– Убить. Убейте их всех!

Таков был первый приказ нового Правителя Атириона.

Часть 1. Спутница

1.

«Здравствуй, дорогой дневник!

Хотя, конечно, никакой не дорогой, да и не дневник толком, но велика сила привычки...

Долгие годы дневник был моим верным другом, поверенным моих мыслей и мечтаний, и в последнее время мне его не хватает. Я привыкла, что он всегда под рукой, и можно пролистать собственные записи, освежить память и умилиться наивности ребенка, которым я была вот словно только вчера. Что-то с ним случилось теперь...

Отвлеклась. Итак, сила привычки – и необходимость хоть в каком-то вступлении. Как говорят умные люди, начало в любом деле – самое трудное. Можно точно знать, что тебе предстоит сделать, придумать концепцию и составить план, но всегда, всегда возникнет эта извечная проблема – с чего начать?

Именно этот вопрос встал передо мной, когда, положив перед собой стопку чистых листов, я вдохновенно взялась за перо. И потратила немало времени, наблюдая, как падает обратно в чернильницу лишняя капля чернил, потому что просто не знала, с чего начать. Вот и вспомнился дневник, писать в котором никогда не представляло для меня проблемы.

Жаль, восстановить эти записи у меня вряд ли получится.

В той моей жизни дневник был не просто средством самовыражения, он служил мне своего рода терапией и якорем в окружающей действительности, вот почему я и решилась изложить на бумаге случившееся со мной в последнее время, в надежде, что это поможет мне во всем разобраться.

Прежде чем приступить к собственно истории, как я вообще дошла до жизни такой, коротко расскажу о себе. Так, на всякий случай. Меня зовут Анна, и это единственное, что я более-менее помню о себе до аварии, в которой десять лет назад погибли родители. Родственников моих найти не удалось, и потому я росла в детском доме. В той аварии я осталась в живых только чудом, но в результате травм, стресса и шока долгое время страдала от потери памяти. Именно в целях борьбы с ней я и начала вести дневник, постепенно пристрастившись к этому занятию.

Моя жизнь не была богатой на приключения. В какой-то мере мне повезло, в детском доме, куда я попала, царила довольно мирная и в общем-то дружелюбная атмосфера, так что пожаловаться на несчастное детство я не могу. И все же такая жизнь учила полагаться исключительно на себя, рассчитывать на чью-либо поддержку воспитанникам детского дома не стоило. Я и не рассчитывала, распланировав свою жизнь на годы вперед. Высокие школьные оценки позволили мне получить государственный грант на обучение в вузе, из детского дома я перебралась в общежитие, подрабатывала написанием курсовых и жила на повышенную стипендию, получив в результате довольно перспективную профессию экономиста-международника. В планах значилось подыскать работу, и я весьма рассчитывала на связи, которыми обзавелась во время обучения. К жизни я относилась весьма прагматично, не веря ни в какие чудеса, даже несмотря на некоторую слабость к романтическому фэнтези, которым я, впрочем, не злоупотребляла. Не находилось у меня на это ни времени, ни возможностей, слишком я была сосредоточена на учебе и будущей карьере.

К своим практически двадцати двум годам я представляла собой типичного ботаника, без намека на личную жизнь. Не то, чтобы на меня не обращали внимания лица противоположного пола; по человеческим меркам я считалась довольно привлекательной девушкой: невысокая и стройная синеглазая блондинка с правиль-

ными, немного кукольными чертами лица. Вот только на личную жизнь, как и на книги, времени у меня совершенно не оставалось, замужество как альтернативу карьере я просто-напросто не рассматривала, и жила наивными убеждениями, что в жизни любой девушки есть место лишь одному-единственному мужчине. Да-да, и любовь с первого взгляда, яркое чувство, полное взаимопонимание с полуслова – в моем представлении непременно к этому мужчине прилагались. Конечно, где-то в глубине души я мечтала о любви, но именно о такой любви, чтобы навечно, и все остальное казалось мне неприемлемым. А потому – не стоящим внимания.

Потому-то к моменту получения диплома я по-прежнему оставалась одна, без поддержки и опоры, и рассчитывать могла лишь на собственные силы.

Впрочем, я опять отвлеклась.

Признаюсь, окончания учебы я ожидала с тревогой. Даже красный диплом не гарантировал быстрого трудоустройства, а общежитие придется освободить сразу после выпуска. Конечно, у меня имелись небольшие накопления на первое время, чтобы не очутиться на улице, да и моя кафедра готова была принять меня в качестве молодого специалиста с предоставлением временного жилья. Так что возможность поискать работу, не беспокоясь о завтрашнем дне, у меня вполне имелась. Вот только на кафедру меня обещали взять только к началу учебного года, и меня тревожили летние месяцы, которые как-то требовалось пережить.

Тут-то и подвернулось довольно заманчивое предложение моей университетской подруги Светы, которая позвала меня на лето с собой в деревню. Точнее, она слезно умоляла составить ей компанию, потому что в деревне глушь, и бойкая веселая девчонка рисковала с ума сойти от скуки в обществе пенсионеров. Не скажу, что я не удивилась – мою компанию сложно назвать подходящей для развлечений, но отказаться я и не подумала. Мне обещали бесплатное жилье на хозяйском обеспечении, и шанс сэкономить и без проблем дожидаться устройства на кафедру я упустить не могла.